

ОТЗЫВ
ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА
о диссертации Марии Владимировны ЯСИНСКОЙ
«Представления о глазах и зрении в языке и традиционной культуре славян»,
представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Труд М. В. Ясинской посвящен представлению о зрительном восприятии, воплощенном в славянских языках и в традиционной культуре славян. Объектом исследования являются, с одной стороны, славянская лексика, относящаяся к сфере зрения (это глаголы с общим значением ‘видеть’, ‘смотреть’, существительные со значением ‘глаза’), а с другой стороны – обряды, поверья и т.п., в которых так или иначе упоминаются глаза или смотрение на что-либо. Исследование выполнено в рамках комплексного подхода к изучению языка и народной культуры: в языке, в частности в диалектах, зачастую отражаются архаичные представления о мире, эти представления сохраняются и в традиционной культуре; при этом народная культура рассматривается как сложная знаковая система, которую естественно описывать, применяя лингвистические методы. В рецензируемой работе сделана попытка описать выбранный фрагмент славянской лексики и культуры на едином метаязыке.

Работа состоит из Введения, трех глав, Заключения и Библиографии; кроме того, даны список используемых сокращений и лексический указатель.

Во Введении очерчен исследуемый объект, сформулированы цели исследования, охарактеризовано научное направление, в котором работает автор; обоснованы новизна и актуальность работы. В Заключении подытожены полученные автором результаты и, что особенно ценно, поставлены новые задачи, естественно связанные с данным исследованием. Библиография насчитывает более 300 работ. Лексический указатель включает более 800 слов и выражений на разных славянских языках.

Главы рецензируемого сочинения посвящены глазам (глава I), ситуациям смотрения, в особенности — воздействия взглядом (глава II) и ситуациям видения, в частности видения потустороннего, в норме невидимого мира. Главы имеют единое строение: сначала рассматриваются данные языка о выбранных объектах (ситуациях), а затем представление о данном объекте или ситуации в традиционной культуре. Таким образом, в главе I, в частности, рассматриваются номинации глаз и зрачка; в главе II анализируется славянская лексика со значением ‘смотреть’; в главе III описана славянская лексика со значением ‘видеть’. Описывая языковой материал, автор по возможности привлекает данные всех славянских языков и их диалектов, включая этимологию, причем рассматривает и вторичные значения выбранных слов. Благодаря этому выявлены единые закономерности организации данного фрагмента лексики в разных славянских языках.

Народные представления о глазах и ситуациях смотрения и вИдения выявляются путем анализа фольклорных текстов, поверий, описаний различных обрядов и обычаев. Как отмечается в рецензируемой работе, тема глаз и зрения является одной из стержневых для традиционной народной культуры: с одной стороны, она составляет часть народной медицины и анатомии, а с другой стороны, пронизывает архаические представления о Космосе, демонологию, отражается в загадках, заговорах, приметах, предписаниях, быличках, лирических песнях и т.п. Тем самым, данные традиционной культуры, относящиеся к теме диссертации, оказываются рассеянными по самым разным текстам. Существенно, что некоторые из этих данных получены самим автором в ходе полевых исследований. Извлечение этих данных из разных текстов и подача их под единым углом зрения представляет собой особую задачу. В рецензируемой работе эта задача решается следующим образом.

Принимается, что если речь идет о смотрении, то в тексте так или иначе репрезентируется предикат с общим значением 'смотреть' с присущей ему актантной структурой. Аналогичным образом, если речь идет о вИдении, то в тексте репрезентируется предикат со значением 'видеть' с его актантной структурой. Семантика и актантная структура предикатов 'смотреть' и 'видеть' достаточно хорошо известна из теоретической семантики и лексикографии. Следовательно, при описании народных представлений о смотрении и вИдении требуется выделить в множестве фольклорных текстов те, в которых упоминаются эти ситуации, и затем выявить, какими именно бывают в народных представлениях участники этих ситуаций, т.е. субъект, объект и т.п. Например, субъектом «магического и ритуального действия 'смотреть'» (с. 112) может быть демон, хтоническое животное, человек в определенном физиологическом состоянии и т.п. А, например, объектом ситуации 'видеть' может быть нечто в норме недоступное человеческому зрению. При этом та или иная реализация актантной структуры предиката 'смотреть' или 'видеть' связывается в народной культуре со своим комплексом представлений (в частности, запретов и предписаний). Описание этого комплекса представлений дополняет описание предиката и его актантной структуры – на наш взгляд, подобно тому, как энциклопедическая информация об объекте дополняет собственно лингвистическое описание слова, обозначающего данный объект. Что касается глаз, то они рассматриваются как принадлежность субъекта смотрения (вИдения), как его орган зрения. Тем самым, описание глаз с точки зрения традиционной культуры тоже находит свое место в предложенном формате описания.

Подобный подход обеспечивает четкое описание как собственно языкового, так и фольклорного материала, причем на едином метаязыке. При этом полученное описание

может быть верифицировано методами, применяемыми в лингвистике для верификации семантических описаний. Таким образом, принятый в работе подход к описанию выбранного (в высшей степени разнообразного) материала представляется весьма продуктивным и перспективным. Задача комплексного системного описания народных представлений о глазах и зрении в традиционной славянской культуре решена в рецензируемом труде на высоком научном уровне.

Выполненное исследование несвободно от некоторых недостатков.

1. В качестве «каркаса» описания ситуации смотрения выбран предикат со значением 'смотреть', свойственный языку безотносительно к народным верованиям. Между тем в языке традиционной культуры мы сталкиваемся с этим глаголом, но в другом значении или даже в ряде других значений. Действительно, в первом приближении: *смотреть на X* – 'держать глаза направленными на X, для того чтобы видеть X'. Однако магическое и ритуальное действие 'смотреть' предполагает особую цель – воздействовать на объект или, наоборот, испытать на себе воздействие объекта. Кроме того, магическое и ритуальное 'смотреть' обычно предполагает, как это отмечено в работе, определенное место, определенное время, а также особое устройство - «рамку», через которую смотрят на объект. Тем самым, место, время и «рамка» являются семантическими актантами ситуации магического и ритуального смотрения. Тот факт, что время и место ситуации выражаются обстоятельствами (а не дополнениями) этому не противоречит; ср., например обстоятельство места во фразе: *В Африке водятся слоны и тигры*, где группа *в Африке* является семантическим актантами предиката *водятся*. Таким образом, данное магическое и ритуальное действие 'смотреть' выражается глаголом *смотреть* в отдельном значении; иными словами, перед нами отдельный лексико-семантический вариант слова *смотреть* по Смирницкому, или отдельная лексема слова *смотреть* в терминологии Московской семантической школы. Не исключено, что еще в одном значении предикат 'смотреть' представлен в случае, когда субъектом ситуации является демонологическое существо типа Вия (субъект не имеет цели воздействовать на объект, но тем не менее убивает его); у субъекта именно этой ситуации глаза бывают закрыты особыми веками. На наш взгляд, описание бы выиграло, если бы были выделены данные значения глагола 'смотреть', важные для традиционной культуры, и они бы использовались в качестве каркаса описания материала.

2. Аналогичное замечание относительно предиката 'видеть'. В первом приближении: *видеть* — 'воспринимать глазами физический объект или ситуацию'. Между тем для традиционной культуры важно другое значение этого глагола: 'воспринимать глазами то, что относится к потустороннему миру и в норме невидимо'.

Именно в данном значении глагол *видеть* предполагает специфического субъекта (демоны, покойники). Использование этих, более конкретных каркасов для описания материала позволило бы избежать дублирования информации (так, описание смотрения через «рамку» приводится в главе II и в главе III; описание огромных век с непомерными ресницами у существ типа Вия дается в главе I и в главе II).

3. В безусловно верном рассуждении о связи понятий слепоты и темноты было бы плодотворно воспользоваться лингвистическими понятиями (квази)конверсии и (квази)конверсивов.

4. В разделе, посвященном обману зрения, справедливо отмечается, что существительные, образованные от глаголов со значением ‘казаться’, неоднозначны. Они могут обозначать как состояние человека, так и то, что ему кажется, т.е. привидение, призрак. Однако это – не специфика семантического поля с общим значением ‘казаться’. Такая же полисемия наблюдается и у других отглагольных существительных: в одном значении они называют саму ситуацию (действие), а в другом – субъект ситуации. Ср. *Началась погоня* (действие) – *Погоня отстала* (субъект действия); см. об этом в книге: Ю.Д. Апресян. «Лексическая семантика».

5. Глаза в рецензируемой работе квалифицируются иногда как орган зрения, иногда – как инструмент зрения. Эту неоднозначность стоило оговорить. Действительно, с одной стороны, глаза являются органом, т.к. это часть тела. С другой стороны, глаза можно рассматривать как инструмент, т.к. субъект может манипулировать глазами, ср. *остановить глаза, перевести глаза* и т.п. Корректнее было бы считать их органом-инструментом (данное понятие введено Ю.Д. Апресяном в книге «Лексическая семантика»; типичный орган-инструмент – пальцы человека, щупальца осьминога).

6. Не вполне точны и некоторые другие категории, выбранные для интерпретации слов, относящихся к зрительному, слуховому и тактильному восприятию (таблица на с. 90). Уши – это орган слуха и вряд ли инструмент. Телесное ощущение – это скорее результат, а не продукт тактильного восприятия. В один ряд с телесным ощущением естественно поместить зрительный образ как результат зрительного восприятия (коммуникации) и слуховой образ (результат восприятия слухом); между тем, в таблице результат («продукт») слухового ощущения считается отсутствующим, а продуктом зрительного восприятия считается взгляд. Заметим, что взгляд – это специфический «инструмент» смотрения (хотя он существует только при смотрении, благодаря чему его все-таки можно рассматривать как «продукт» смотрения); см. об этом работы Е.В. Урысон, на которые есть ссылка в диссертации. Как кажется, не вполне корректно говорить о коммуникации применительно к восприятию субъектом неодушевленных предметов.

Высказанные замечания не умаляют высоких достоинств рецензируемого труда. Диссертационное сочинение М.В. Ясинской представляет собой законченную научную работу, выполненную сложившимся исследователем и являющуюся безусловным вкладом в славянское языкознание.

Сочинение написано хорошим языком; работа прекрасно оформлена (рецензент встретил не более семи опечаток).

Автореферат и публикации хорошо и полно отражают содержание работы.

Диссертационное сочинение М.В. Ясинской удовлетворяет всем требованиям, предъявляемым ВАК к кандидатским диссертациям. Автор сочинения М.В. Ясинская безусловно заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук.

Официальный оппонент
главный научный сотрудник
Института русского языка
им. В.В. Виноградова РАН
доктор филологических наук

Урысон

Е.В. Урысон

119019 Москва, Волхонка 18/2,
тел. (495) 637-25-87
e-mail. uryson@gmail.com

